

Газеты пестрели заголовками о трагедии родителей Янь И, превознося их гибель как торжество великой любви. Выяснилось, что мать Янь И, увидев умирающего мужа, из последних сил набрала на телефоне сообщение: Мы любим тебя, живи достойно. Это открытие лишь добавило ореол величия их смерти в глазах общественности.

Однако за фасадом громких похвал все забыли о самой Янь И — подавленной, измученной мыслями о самоубийстве девочке. Никто не задумывался, нужны ли ей эти восторженные речи, никто не пытался понять глубину её невыразимой скорби.

Никто, кроме одной группы людей.

— Как думаете, с ней ничего не случится? — спросил Фан Лан, обводя взглядом одноклассников в кабинете седьмого класса. Вдруг его осенило, и он с изумлением произнёс: — Староста, так ты в тот день на крыше... это было ради неё?

— Забирал кое-что, — невозмутимо ответил Шэнь Бай. Его невозмутимый вид придал этому сомнительному оправданию такой вес, что в него поверили без тени сомнения.

— Понятно, — кивнул Фан Лан, чей ум редко бывал проницательным дольше трёх секунд. Остальные тоже понимающе закивали.

Да вы что, серьёзно поверили?! А я-то, дурак, ломал голову, почему не придумал отговорку получше!

— Ребята, может, нам стоит что-то предпринять? — спросила одна из девочек, друживших с Янь И. Все согласно закивали.

— Может, навестим её дома? — предложил кто-то из парней.

— Не лучший вариант, — нахмурился Шэнь Бай.

Фан Лан тоже нахмурился:

— Верно. Она слишком дорожит своим имиджем. Если мы придем, она будет выдавливать из себя улыбку, лишь бы не показать, как ей плохо. — Он посмотрел на подруг Янь И: — Что она любит?

Девочки синхронно перевели взгляд на Шэнь Бая. Тот молча отвернулся. Ну хоть раз в жизни можно быть серьёзными?!

— Медведей! Янь И обожает плюшевых медведей!

Дома Янь И, выполняя указания взрослых, носила белый траурный цветок, стояла на коленях перед медным тазом и сжигала бумажные деньги. Друзья и родственники приходили и уходили, журналисты настойчиво выпытывали подробности о том, насколько сильно любили друг друга её родители. Янь И была на грани срыва, но молча держалась.

Мы любим тебя, живи достойно.

Даже если сейчас невыносимо тяжело, я обязательно буду жить.

Похоронив родителей, она мысленно попрощалась с ними в последний раз, расправила плечи и тихо прошептала: Люблю вас.

Она не хотела больше продлевать отпуск — атмосфера дома стала невыносимой. К тому же звонил староста, спрашивал, когда она вернется, и просил обязательно предупредить его заранее. Мысль о том, что где-то её ждут, согрела сердце, и Янь И набрала номер.

— Алло, староста... я завтра вернусь.

На следующее утро, несмотря на странную просьбу старосты прийти в школу до семи, Янь И встала рано. Она с нетерпением ждала встречи с ребятами — эти непредсказуемые люди стали её единственной отрадой.

Обычно ученики приходили к семи двадцати, поэтому семь часов были своего рода рубежом: до этого времени в школе было пусто. Янь И привычно вошла в ворота и у самого входа заметила коричневого плюшевого мишку.

Малыш сидел на земле, глядя на вход, и держал в лапах табличку:

Жду Янь И.

— Пф-ф... — Янь И не сдержала улыбки. Что за чушь?

Она подняла мишку, и в этот момент на землю упала горячая слеза.

Пройдя чуть дальше, под платаном, она обнаружила второго медвежонка. Этот был гладким, светло-коричневым, сияющим на солнце. На табличке было написано:

Даже если я лучше, не выбрасывай первого.

Янь И снова улыбнулась и взяла второго мишку. Когда она подошла к ступеням, там стоял

третий, спиной к ней, будто пытаюсь взобраться по лестнице. Она взяла и его:

Спасибо за помощь, я хочу подняться наверх.

Хорошо, хорошо, я помогу тебе, — пробормотала Янь И, прижимая мишек к груди.

Потом были другие: Ты не видел моих братьев? — Конечно, они у меня, пошли со мной. — Ты такой сильный, не понесешь и меня? — Янь И на секунду замерла, но вздохнула и взяла и этого.

Она шла по школе, сгибаясь под тяжестью игрушек, и с каждым шагом класс становился всё ближе. Дверь была закрыта, а перед ней сидел еще один мишка:

Ты такая медленная, мы тебя заждались.

Ну всё-всё, я больше не буду заставлять вас ждать. Янь И наклонилась, чувствуя, как к горлу подкатывает ком.

Она взялась за ручку двери и медленно повернула её. В классе было пусто. Ветер шевелил белые занавески, а в лучах солнца плясали пылинки. На её парте сидел еще один медвежонок, будто ждал её целую вечность. На нем не было таблички, но Янь И сразу поняла, чьих это рук дело. У этого медведя было на удивление серьезное выражение мордочки, а нарисованные брови слегка сдвинуты к переносице, словно он смотрел на неё с укором, но в то же время с такой теплотой, что, казалось, вот-вот начнет ворчливо заботиться о ней.

— Простите... я же обещала себе не плакать, но... не могу.

Янь И села за парту, обняла гору игрушек и зарыдала. Плечи её дрожали, рыдания становились всё громче, и весь этот накопленный за дни траура ужас выплеснулся наружу.

Спустя долгое время, когда она немного успокоилась, из коридора послышался знакомый голос:

— Как закончишь, дай знать. Только не затягивай, не хотим, чтобы нас разглядывали из других классов.

Янь И подняла голову. Окно было закрыто, но через стекло она видела, как ребята выстроились в ряд, закрывая собой обзор всем проходящим мимо ученикам. Они стояли спиной к классу, создавая для неё пространство, где она могла быть собой.

— ...Эй, а вы не подумали, что я пока несла этих медведей, они всё время падали?

Ребята обернулись, и на их лицах сияли самые искренние улыбки.

— Но всё равно... спасибо вам, — улыбнулась в ответ девушка.

Солнце было ласковым, время замерло.

Пусть этот медвежонок заменит меня ненадолго и станет вечным свидетелем твоего будущего счастья.

[Динь! Задание «Защита седьмого класса» выполнено. Награда: Целебная улыбка.]

Шэнь Бай вошел в класс вместе со всеми. Сегодня все собрались к половине седьмого. Девочки достали купленных мальчиками медведей, пришили таблички с пожеланиями, расставили их по школе, а потом сорок минут ждали на крыше.

— Почему задание засчиталось? — тихо спросил Шэнь Бай у Системы.

[Хозяин, без вашего вмешательства Янь И совершила бы самоубийство. Это не только оборвало бы её жизнь, но и наложило бы тень на весь класс, заставив их бояться жестокости мира. А теперь Янь И жива, и сегодняшние воспоминания станут светом, который осветит их будущее.]

Если это так, то лучше и быть не может. Шэнь Бай посмотрел на своих одноклассников. В их глазах светилась та самая наивность, которой не коснулась жестокость мира.

Надеюсь, я успею проводить вас до окончания школы. Надеюсь, уйду тихо. Надеюсь, вы запомните этот день, но не будете помнить обо мне слишком долго.

Впрочем, последнее — это уже самонадеянность. Но кем бы я ни был в ваших воспоминаниях, я не хочу, чтобы память обо мне стала для вас обузой.

Этот день был похож на остальные, но в нём изменилось всё.

Время в классе текло, наполненное смехом и радостью, превращаясь в бесценные воспоминания, которые питали семя под названием «свет» в сердцах детей.

Вскоре всё вошло в привычную колею. Шэнь Бай и Бай Си обменивались контейнерами с фруктами — это стало их негласным соглашением. Бай Си менялся на глазах: стал выносливее, выше, его фигура приобретала юношескую статью. Шэнь Бай постоянно покупал ему книги, и тот проглатывал их с невероятной скоростью.

На второй месяц обучения Бай Си всех поразил.

— Староста снова первый, — пробормотал Ху Чжоу, глядя на Доску почета. — Погоди, а где же

староста шестого класса? Его нет на третьем месте!

Ху Чжоу протер глаза и, осознав невероятное, помчался в свой класс.

— Бай Си! Бай Си! — он ворвался в кабинет и навис над партой друга. — Как ты это сделал?!

Бай Си, читавший книгу, вздрогнул:

— Что случилось?

— Ты видел Доску почета?!

Бай Си широко открыл глаза и, не дожидаясь ответа, выбежал из класса. Шэнь Бай, наблюдавший за этим, понял, что Бай Си выполнил свое обещание.

Когда Бай Си вернулся, краснея от смущения и улыбаясь, и признался, что занял третье место, Шэнь Бай не смог скрыть удивления. Он знал, что Бай Си способен на многое, но третье место — это было выше всех ожиданий.

— Молодец, — сказал Шэнь Бай. В его глазах читалась искренняя радость.

Бай Си уловил этот взгляд, и его улыбка стала еще шире. В глазах юноши светилась уверенность:

— Но этого всё еще недостаточно, староста.

Я всё еще не стою с тобой в одном ряду. А мне этого так хочется, староста.

После этого месяца класс начал замечать перемены в Бай Си. Ху Чжоу первым начал просить его объяснить математику, потом подтянулись остальные. Бай Си, обладая чутким характером, умел объяснить всё так, что даже самые сложные темы становились понятными. Его улыбка стала появляться всё чаще, а математик, известный своей строгостью, начал хвалить его перед всем классом.

А Шэнь Бай? Он наблюдал за этими изменениями, радуясь в душе, и продолжал жить своей жизнью.

— Урок окончен, отдыхайте, — улыбнулась классная руководительница. — Кстати, ребята, у нас пополнение. К нам переводится ученик, который не смог прийти раньше из-за болезни. Надеюсь, вы подружитесь. Я посажу его за Шэнь Бая. Староста, присмотришь за ним?

— Конечно, учитель, — ответил Шэнь Бай.

После уроков Шэнь Бай и Бай Си пошли домой. Бай Си, как обычно, шел с внешней стороны тротуара. Шэнь Бай усмехнулся: этот парень давно научился тактично занимать место, где безопаснее, словно охраняя его.

— Староста, — Бай Си посмотрел на него. — Как ты относишься к этому новенькому?

<http://bllate.org/book/21649/2234196>